

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-3-42-50

УДК 94 (47)+297:908

Содержание статьи

Информация о статье

А.П. Ярков¹
Ю.А. Денякин²

Введение.
Основное содержание.
Заключение.

Поступила в редакцию: 08.07.2022
Передана на рецензию: 13.07.2022
Получена рецензия: 06.08.2022
Принята в номер: 10.09.2022

Особенности функционирования уммы приграничного Зайсана до 1920 г.

Тюменский государственный университет; ayarkov@rambler.ru
Независимый исследователь; ydenyakin@yandex.ru

В данной статье рассматривается история мусульманской общины г. Зайсана (ныне – на территории Казахстана) до 1920 г. Выбор даты определяется административно-территориальным разграничением – Зайсан вошел в состав Киргизской АССР, подчиняясь её законам. Фактически 1920 г. стал «стартом» для ухода в подполье мусульман, а сопротивление части из них с Советской властью привело к человеческим трагедиям.

Возникнув в приграничном с Китаем российском военном poste (затем ставшим городом), в первое десятилетие своего существования мусульманское сообщество состояло из двух частей – военных и переселенцев из русских губерний, а также кочевников, недавно присоединённых территорий. Различие исповедных практик и отсутствие имамов из числа казахов, ориентированных на «степной ислам» (с отпечатком архаичных верований и древнейшего монотеистического тенгрианства) привело к тому, что кочевники переняли местные традиции проведения служб. Духовные лица из числа татар поддерживали те же тенденции развития уммы, что и в Поволжье, на Урале и в Сибири. Здесь также внедрялся джадидизм, призывающий к просвещению и равноправию для мусульманок. Миссионерской деятельности православных препятствовало наличие подготовленных в местных условиях кадров улемов. В полиэтноконфессиональном городском социуме возникло негласное соревнование в благочестии. События начала XX в. привели к суровым испытаниям для верующих: политические взгляды разделяли умму и семьи.

Ключевые слова: *Зайсан, двухсоставная умма, особенности исповеданий, «степной ислам», джадидизм.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-3-42-50

UDC 94 (47)+297:908

Content of the article

Information about the article

А.П. Ярков³
Yu.A. Denyakin⁴

Introduction.
The main content.
Conclusion.

Received: 08.07.2022
Submitted for review: 13.07.2022
Review received: 06.08.2022
Accepted for publication:
10.09.2022

---

¹ Александр Павлович Ярков – ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, профессор; orcid.org/0000-0002-6703-8535.

² Юрий Александрович Денякин – независимый исследователь.

³ Alexander Pavlovich Yarkov – Doctor Sc. (History), professor, leading researcher of the Expert Academic Center for Preventing the Ideology of Extremism and Terrorism, Tyumen State University; orcid.org/0000-0002-6703-8535.

⁴ Yuri Aleksandrovich Denyakin – independent researcher.

Features of Ummah Functioning in the Border Town of Zaisan until 1920

Tyumen State University; ayarkov@rambler.ru

Independent researcher; ydenyakin@yandex.ru

The article examines the history of the Muslim community in the town of Zaisan (now in the territory of Kazakhstan) until 1920. The community was established in a Russian military outpost on the border with China and in the first decade of its existence consisted of two parts – immigrants from the Russians provinces and nomads from the newly annexed territories. The difference in confessional practices and the absence of Kazakh imams oriented towards “steppe Islam” with remnants of archaic beliefs and ancient monotheistic Tengriism led to the adoption of the practices of conducting services by the nomads. For example, Jadidism calling for enlightenment and equality for Muslim women was introduced. The missionary activities of the Orthodox church were hindered by locally trained ulema. A tacit competition in piety grew up in the multi-confessional urban community. Events of the early twentieth century led to severities for believers, when families and the ummah were split by political views. In fact, 1920 became the starting year for Muslims to go underground and the confrontation of some of them with the Soviet authorities led to human tragedies. The revival of the community in modern conditions is fraught with difficulties.

Keywords: *Zaisan, two-part Ummah, features of confessions, “steppe Islam” and Jadidism.*

Введение

Название приграничного с Китаем населённого пункта на берегу речки Жеменей / Джемини / Жиманай (относится к бассейну озера Зайсан) произошло от титула князьков «цзай-сан» (сохранивших этот управленческий статус в России по Уставу 1822 г.), восходящего к административной структуре западных монголов.

Указом от 24 ноября 1798 г. казённое рыболовство на Верхнем Иртыше было предоставлено Сибирскому линейному казачьему войску, хотя само озеро принадлежало империи Цин. Рыбной ловлей служивые занимались на всем озёрном бассейне. В 1825 г. казаки ловили и в устье Чёрного Иртыша, испрашивая на это разрешение у цинских властей [1818]. В 1840-х гг. с рекогносцировочными целями в этом районе были сформированы разъезды казаков, в составе которых были татары и башкиры.

Краеведы расходятся во взглядах на точную дату основания Зайсана: некоторые считают, что «первый камень города Зайсан заложен в 1864 году, когда большая часть территории уезда принадлежала России» [18]. Но более близкой к реальности следует считать запись в Хронологическом перечне событий из истории Сибирского казачьего войска, свидетельствующую, что в 1868 г. «исправляющим должность военного губернатора Семипалатинской области, генерал-майором Бабковым И.Ф. избрано на реке Джемини место для военного поста, наименованного потом Зайсанским» [15, с. 231]. Об этом генерал подробно рассказал в воспоминаниях [2, с. 370].

Примечательно указание, что там проживало «...нижних воинских чинов (с семьями) 2 424» человека. Среди первых 4 143 насельников было 994 женщины. Дисбаланс полов связан с тем, что это бывшее военное поселение на приграничной территории, хотя среди жителей поста были также мещане, торговцы и осевшие кочевники. Поскольку отдельно в документе выделено «казаков 772, киргизов 213; 398 магометан, 30 язычников» [16, с. 145], то следует вывод – часть казахов (киргизов) составители справочного материала отнесли к «не совсем мусульманам», тогда как

398 чел. признали «вполне правоверными». Полагаем, что к последним авторы отнесли татар, башкиров, бухарцев, ташкентцев, уйгуров и других.

Особо заметим, что определение «язычники» позволяло (и позволяет, увы, донныне) сторонникам радикальных оценок использовать его как по отношению к «иноверцам», так и для определения «ушедших в ересь» единоверцев. Поиски кем-либо (в прошлом или на современном этапе) «языческих» корней заводят в методологический и нравственный тупик: что считать «истинной/подлинной» традицией (присущей конкретному региону или группе), а что – заимствованными извне элементами; как относиться к тем, кто по-иному поклоняется или совершает ритуалы; существует ли «граница» допустимого / возможного? Ответ очевиден – необходимо всё принять, не осуждая, но при условии, что это не разрушает гуманную сущность религиозной морали.

Основное содержание

Сложившая в зайсанской умме «фронтирная» ситуация может быть объяснена торгово-посреднической активностью татар и башкиров, продвигавших экономические и культурные интересы в глубь степи. С казахами их объединяла принадлежность к одной религии, а внутриконфессиональные различия (ритуалы, особенности рецитации Корана) постепенно стирались. Сложнее проходил процесс адаптации к местным особенностям пребывающих из глубин Средней Азии, Монголии и Китая единоверцев – различались языки проповеди. Арабский язык в общении использовали немногие, но записи о рождении, бракосочетании, смерти велись на нём [17].

Со временем пограничный пост обрёл важное значение: с помощью посредников, в т. ч. из мусульман, через него стали вывозить «...в Китай, Тибет, Синьцзян шерсть, шкуры, лес и другое сырье, а завозить оттуда ткани, одежды и ручные изделия...» [4]. Полагаем, так поступали в регион ритуальные предметы и книги для местных мусульман, что способствовало расширению их представлений об окружающем мире.

Для укрепления порядка в образованном в 1868 г. Зайсанском особом приставстве в военном посту Джемени разместили усиленный гарнизон. Высочайшим указом от 15 марта 1871 г. пост стал именоваться Зайсанским. Через него мигрировали в Россию уйгуры и дунгане, которых притесняли в Китае из-за своих религиозных убеждений. Приставство в 1883 г. было преобразовано в Зайсанский уезд Семипалатинской области, а пограничный пост стал его административно-политическим центром [10, с. 18–19].

Рядом с казармами поселились чиновники, мещане, ремесленники, ямщики и крестьяне. В их семьях рождались дети, которых необходимо было лечить, растить и учить, приобщать к вере. На окраинах оседали казахи. Восточная сторона реки Джемени, делившей поселение на две части, стала называться «Казачья слобода», а в западной части по-прежнему находилось уездные учреждения, церковь, таможня, казначейство, торговые лавки, жилые дома.

Многие отечественные и иностранные экспедиции в Китай, Монголию и Тибет активно использовали Зайсанский пост, который в мировой географической литературе XIX в. был более известен, чем, к примеру, административный центр сопредельной Синьцзянской провинции – город Урумчи [5, с. 19]. Значение поселения выросло, когда проходящая дважды в год – в середине мая и начале декабря – Никольская ярмарка стала привлекать торговцев из различных областей Российской империи, а также из-за рубежа. Стала более многообразной и этноконфессиональная «палитра» населения: в 1887 г. в городе, например, проживало 2 017 православных, 6 католиков, один протестант, 10 иудеев и 470 мусульман [8, с. 35].

В первую очередь поддержка оказывалась православию как государственной идеологии, но учитывалось и наличие в городе большого количества мусульман. Этнические и конфессиональные отличия в то время были дифференцирующим признаком в делении на «своих» и «других». Причина – различные исповедные практики: приезжие мусульмане придерживались традиций мест исхода, а казахи ориентировались на «степной ислам», впитавший в себя архаичные верования и древнейшее монотеистического тенгрианство. Не имея в городе собственных духовных лиц, казахи признавали верховенство «российских» имамов подчинялись их установкам в правилах проведения служб и вели богослужение на татарском языке.

Считалось, что кочевники слабо исламизированы, поэтому на более чем 100 казахов была направлена деятельность православных миссионеров (хотя число обращённых в христианство было небольшим). Сохранились сведения, что Киргизской духовной миссией рассматривалась возможность создания миссионерского стана в самом Зайсане, но в итоге от этих планов пришлось отказаться [5, с. 170].

Обращение в христианскую веру казахов возмущало многих зайсанских мусульман. Высказывались угрозы как в адрес окрестившихся соплеменников, так и миссионеров. Доказательством этого является случай, произошедший в Зайсане 17 сентября 1893 г., после крещения миссионером Буконского стана Киргизской миссии Ефремом Елисеевым (из крещёных татар) казаха Токуша и его семьи. Новокрещённый Иоан (христианское имя Токуша) в ту же ночь был застрелен бывшим единоверцем Сафой Насыровым. Это единственный трагический случай в зайсанском регионе [12, с. 20–21].

Из донесения уездного начальника есаула Н.П. Кирьянова семипалатинскому генерал-губернатору А.Ф. Карпову 1893 г. следует, что «наиболее состоятельными и богатыми из зайсанских жителей следует признать татар, захвативших в свои руки всю торговлю сырыми продуктами, так как им как единоверцам киргиз и по общности языка эта торговля наиболее сподручна и выгодна, а русские перебиваются мелочной торговлей на базаре и далеко не обладают равным с татарами благосостоянием» [5, с. 109]. Татары пользовались религиозной и общетюркской идентичностью для собственной выгоды.

С 1 октября 1893 г. пост стал городским поселением [10, с. 226]. Среди 110 кирпичных и 7 деревянных домов выделялись церковь, здания для уездного начальства, торговая площадь, мечети и мектебе. Как уточнил старожил Якуб Ахтямов, город этот у подножия трёх склонов Алтайских гор утопал в зелени, а в его центре струились прозрачные воды горной речки Жиманай, делившей поселение на две социально различные части: «С одной стороны селились мирные люди, обыватели; с другой – квартировала военно-казачья часть. Как я теперь понимаю, первые просто жили, а вторые охраняли их покой и рубежи Российской империи. В нашем Зайсане содержался в совершенстве благоустроенный парк. По воскресеньям и праздникам в парке играл воинский духовой оркестр. По аллеям, усыпанным жёлтым речным песком, чинно прогуливались мирные граждане, военные с дамами, кавалеры с барышнями (...) В городе были школы – русские и татарские, церкви, мечети» [1, с. 5].

Многие из этих школ были построены на средства местной купеческой элиты. Занимались благотворительностью такие купцы, как Юнус Татанов, Бидахмет Бобкин, Садолла кажы Бекшентаев, Ибрай Манапов, Сулейман Мергенбаев, Халел Ерзин, Юсуп Абилханов и др. [8, с. 36]. Благодаря им было открыто и женское медресе [7], которое должно было способствовать распространению джадидизма учения защищающего равноправие мусульманок, в среде российского приграничья.

В этот регион ссылали и мусульман, считавшихся неблагонадёжными, таких, как, например, Мук(х)ан Айтпене(о)в (1871–10.12.1937). После окончания омской учительской семинарии в 1892–1900 гг. он работал переводчиком в областном и губернском правлениях. Затем из-за своих воззрений был отправлен в ссылку на озеро Зайсана, в 1902 г. бежал в Китай [13, с. 101–111].

Отбывал ссылку в Зайсане и Гайнан (Сардар) Ваисов – сын основателя религиозно-политической организации «Императорский молитвенный дом мактаб Гирфан». Ваисовцы считали необходимым очистить ислам от нововведений. Они были сторонниками перемен, но при этом придерживались средневековых взглядов, считая «неправильными своих» единоверцев и государство. За ними жандармерия и полиция осуществляла строгий надзор, поскольку к ваисовцам стали примыкать целыми семьями не только мусульмане, но и христиане, принявшие ислам, а также потомственные кучум-хановские наследники, что в политическом плане представляло угрозу стабильности в регионе.

В городе в начале XX в. духовные потребности удовлетворялись в двух церквях, двух мечетях и медресе, а «... между двумя религиями существовало как бы негласное соревнование в благочестии. Так, богатые мусульмане по Корану честно вносили свой "закят" – 7 % от доли своего дохода в пользу бедных и сирот. В мечети был Совет, куда входили мулла, муэдзин и староста от народа. Делили эти поступления между нуждающимися. Особо богатые мусульмане делали дополнительные взносы на развитие и благоустройство города» [1, с. 6].

Один из самых известных зайсанских мусульман – казах Баязит Сатпаев (1860/1864–1954). Он родился в с. Аягуз Семипалатинской области в семье резчика по дереву. В 15–16 лет обучался у турецкого архитектора Абдуллы Эфенди. Талантливый самородок за 30 лет работы в Зайсане по заказу биев и купцов построил свыше 30 объектов жилой и общественной структур, а также исполнял должность военного инженера при сооружении войсковой Свято-Николаевской церкви [14, с. 157–158]. Построенные им здания отличались необычной формой и фигурной кладкой.

К 1908 г. по проекту Сатпаева (при финансировании купца-скотопромышленника Улкен кажы Бекшентаева) была построена каменная мечеть. Это здание размерами 13,2×29,9 м с высотой стен 5,8 м представляло собой вытянутый прямоугольник на высоком цоколе с выделенным пятигранным выступом, ориентированным на Мекку. Фасад разделён на два пропорциональных яруса, на каждом из которых обозначены дугообразные оконные проёмы. Здание включало молельный зал и служебное помещение. Сама же молельня была разделена двумя колоннами и выложена орнаментированным кирпичом. Оконные проёмы оформлены в верхней части солярным орнаментом [11, с. 164].

Первый указной имам этой мечети, до сих пор носящей наименование «татарской» – Ахмет-Закий Ахтямов (1865–1937). Он родился в Казанской губернии в семье муллы, считавшего себя по происхождению «из булгар». Сын овладел с его помощью не только родным (татарским), но и арабским, русским и казахским языками.

А.-З. Ахтямов с 1891 г. служил в Зайсане, где исполнял требы для чинов 4-го Западно-Сибирского линейного батальона, в котором служило много поволжских татар и башкиров. В 1895 г. батальон был переведён на Дальний Восток, а мулла остался. В городе уже имелся самостоятельный приход, хотя в 1900–1908 гг. А.-З. Ахтямов исполнял на общественных началах обязанности муллы 1-го Западно-Сибирского стрелкового батальона, которым был усилен зайсанский гарнизон (после обострения ситуации на границе с Китайской империей). Затем он стал там исполнять

должность уже как военный мулла, поскольку решением царских властей для Сибири и Дальнего Востока было решено ввести такой институт в войсках.

Приказом по Степному генерал-губернаторству от 9 марта 1906 г. «за отлично усердную и общепользную деятельность...» А.-З. Ахтямов был награждён «почётным халатом 3-го разряда», а в 1908 г. ему была пожалована медаль «За усердие». А.-З. Ахтямов был статусной фигурой в городе, поскольку выступал «медиатором» в правовых спорах, знатоком шариата и светских традиций. У него родилось 23 ребенка, но выжило только девять. Его двор занимал полквартала, где располагались два кирпичных дома, флигель, баня, амбары, большой фруктовый сад с беседкой, просторный скотный двор, птичник.

Занятие духовным лицом предпринимательством властью не одобрялось, но у муллы А.-З. Ахтямова был кирпичный завод в 30 км от города. Там же, на берегу озера, находилась заимка с двадцатью лошадьми, коровами, пятидесятью баранами, тридцатью гусями. Всё это обслуживал наёмный работник, но и сами члены семьи не чурались труда [8, с. 36].

Вторая мечеть называлась «казахская», хотя с каждым годом внутриконфессиональные различия все больше стирались. Здание не сохранилось, но известно, что первым имамом там служил Абдирахман (Габдирахман) кажи Сыпырындыулы (1848–1948). Выходец из рода Андабарак (подрод Байтобет), он родился в Уранхаике Говь-Алтайского аймака, что на территории Монголии. Он получил хорошее (по меркам того времени и обстоятельств) образование в Мекке и Медине и более 10 лет там преподавал. Однажды он встретил соплеменников, после чего решил вернуться на родину предков. Город нуждался в богослове такого уровня, и по решению шейх-уль-ислама Абдирахман кажи был направлен в Зайсан [6, с. 115–120].

Несмотря на удаленность Зайсана от важных центров империи, катаклизмы отечественной истории начала XX в. всё же затронули этот приграничный регион. Начались выступления масс некоторые ученые считают их национально-освободительным движением, часть из которых имела исламистскую и антирусскую направленность. 14 июля 1916 г. генерал-губернатор Н.А. Сухомлинов телеграфировал в МВД: «Ввиду привлечения киргиз на работы в некоторых волостях Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов произошли беспорядки». Из информации штаба Омского военного округа: по состоянию на середину сентября 1916 г. волнения возникли в Усть-Каменогорском уезде, «а затем перекинулись и в другие местности с киргизским населением, достигнув наиболее широких размеров в уездах: Зайсанском, Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Семипалатинском Семипалатинской области, Акмолинском и Атбасарском Акмолинской области и в районе Кош-Агач Бийского уезда Томской губернии» [9, с. 90]. В результате 50 тыс. казахов из Бийского округа и Кош-Агачской волости откочевало в Монголию и Китай. Вслед беглецам власти послали казачью сотню. Одних вернули, но другие, опасаясь репрессий (хотя участия в вооружённой борьбе не принимали), всё же ушли.

Осенью 1916 г. в Зайсане произошло выступление бедноты (с участием женщин) против властей. В 1917 г. был создан «Трудовой союз». В городе выпускался еженедельник «Искра», а на казахском – «Ушкун». Примечательно, что редакторами стали выпускники джадидских мектебе Я. Ошкин, Манапов, Кабеков. Листовки издавались в подпольной типографии в доме Манапова [3].

Ситуация стала меняться: «В феврале 1918 года в городе Зайсане была провозглашена Советская власть. В бывшем доме татарского купца Бекшентаева Тухфатулла... состоялся митинг местного гарнизона, где было объявлено о переходе власти в руки совета депутатов трудящихся» [8, с. 36]. Однако в начале 1919 г. в

Зайсан вошли части армии Колчака. Уйдя в подполье, сторонники Советской власти стали готовиться к вооруженному восстанию (оно было подавлено).

В январе 1920 г. город был окончательно взят частями РККА, после чего начались аресты и конфискация имущества местных купцов. Тогда же мечеть была закрыта. Мулла А.-З. Ахтямов отправил жену и семерых детей в Ташкент, а сам переехал в Семипалатинск. Там он занял должность имама в мечети № 2. Его дети были вынуждены скрывать свое происхождение, а один из сыновей – Якуб лишь в 1931 г. нелегально встретился с отцом. А.-З. Ахтямов, как и многие другие служители культа, был репрессирован. Его сын отказался от аспирантуры, опасаясь, что выяснится его социальное происхождение [1, с. 46].

Заключение

История расположенного на российской границе Зайсана связана с 1920 г. не только с вхождением города и уезда в Киргизскую АССР (позднее – Казахскую ССР), но и с изменением положения местной уммы, которая смогла относительно полноценно возродиться лишь в 1990-е гг. В ней уже нет прежнего жёсткого деления на казахскую и татарскую части, а традиции исповедания во многом сблизились.

Менявшийся облик уммы Зайсана – отражение не только трансформации духовных традиций коренных мусульман, но и особенностей исповедных практик приезжих из других регионов России и из зарубежья. С такими специфическими особенностями шёл (и до сих пор идёт) процесс объединения нескольких элементов в консолидированную умму.

Литература

1. *Ахтямов Я.А. Наперекор ударам судьбы.* – Челябинск. 1997. – 159 с.
2. *Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг.* – СПб, 1912. – 575 с.
3. *Вязигина Т.Г. Край ты мой Зайсанский: история г. Зайсан // Семь дней.* 2009. 19 ноября. – С. 8; 26 ноября. – С. 9.
4. Географическая энциклопедия. Т. 18. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена, 1903.
5. *Денякин Ю.А. Зайсан православный.* – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2017. – 294 с.
6. *Дәріқұлов Нұржан таласұлы, Алтыбаев Қалибек Қизатұлы.* Шырағың мәңгі сөнбейді. Зайсан ауданының құрылғанына 75 жыл толу құрметіне арналады. Өскемен. 2003 (в переводе с казахского: *Друкулов Нуржан таласулы, Алтыбаев Калибек Кизатулы.* Твоя лампа не погаснет навсегда. Посвящается 75-летию образования Зайсанского района. – Усть-Каменогорск. 2003. – С. 115–120).
7. *Жаксылыкова К.* Купеческий город Зайсан // Рудный Алтай. 1992. 1 мая.
8. *Кумарова Б.М.* Татарская мечеть города Зайсана // Мир Евразии. 2013. № 1 (20). – С. 35–38.
9. *Сактаганова З.Г.* К вопросу о причинах национально-освободительного движения казахов 1916 года // Материалы Международной научно-практической конференции «Козыбаевские чтения – 2016»: современные тенденции культурно-цивилизационных процессов Евразии, посвященного 85-летию М.К. Козыбаева. Ч. 1. – Петропавловск, 2016. – С. 87–92.
10. Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. старший советник Тургайского областного правления И.И. Крафт. – Оренбург: Типолитография П.Н. Жаринова, 1898. – 884 с.
11. Свод архитектурных и монументальных памятников ВКО. – Усть-Каменогорск, 2005.

12. Священник Ефрем Елисеев. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. – СПб., 1900.
13. Сушко А.В. Архивное уголовное дело Мухана Айтпенева (Мукана Айтпенева) как источник по истории казахской интеллигенции в годы Русской революции // Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции: материалы III Межд. научно-практической конференции. – Омск, 2018. – С. 101–111.
14. Сушко П. Наследие Баязита Сатпаева // Рудный Алтай. 1996. 5 окт.
15. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска: со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории / составил есаул Н. Г. Путинцев. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1891. – 274 с.
16. Энциклопедическая словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 12. – СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1894. – 480 с.
17. Городской архив г. Зайсан. Ф. 125. Оп. 1. Д. 9–16, 20–23.
18. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%B0%D0%BD> (время обращения 16.05.2022)

References

1. Akhtyamov Ya.A. Naperekor udaram sud'by [Against the blows of fate]. – Chelyabinsk. 1997. – 159 s.
2. Babkov I.F. Vospominaniya o moyey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri. 1859–1875 gg. [Memories of my service in Western Siberia. 1859–1875]. – St. Petersburg, 1912. – 575 s.
3. Vyazigina T.G. You are my Zaisan land: [history of the city of Zaisan] [Kray ty moy Zaysanskiy: [istoriya g. Zaysan] // Seven days. 2009. November 19. – S. 8; November 26th. – S. 9.
4. Geograficheskaya entsiklopediya [Geographic encyclopedia]. Т. 18. – St. Petersburg: A.F. Devrienne, 1903.
5. Denyakin Yu.A. Zaisan pravoslavnyy [Zaisan Orthodox]. – М.: Sam Polygraphist LLC, 2017. 294 s.
6. Дәрікүлов Нұржан таласұлы, Алтыбаев Қалибек Қизатұлы. Шырағың мәңгі сөнбейді Зайсан ауданының құрылғанына 75 жыл толу құрметіне арналады [Shyragyn mangi sonbeydi. Zaisan audanynyn құрылғанына 75 zhyl tolu]. – Oskemen. 2003. – Pp. 115–120.
7. Zhaksylykova K. Kupecheskiy gorod Zaysan [The merchant city of Zaisan] // Rudnyy Altay. 1992. 1 maya.
8. Kumarova B.M. Tatarskaya mechet' goroda Zaysana [Tatar mosque of the city of Zaisan] // Mir Yevrazii. 2013. № 1(20). – S. 35–38.
9. Saktaganova Z.G. K voprosu o prichinakh natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya kazakhov 1916 goda [To the question of the causes of the national liberation movement of the Kazakhs in 1916] // Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Kozybayevskiye chteniya – 2016»: sovremennyye tendentsii kul'turno-tsilivizatsionnykh protsessov Yevrazii, posvyashchennogo 85-letiyu M.K. Kozybayeva. Ch. 1. – Petropavlovsk, 2016. – S. 87–92.
10. Sbornik uzakoneniyy o kirgizakh stepnykh oblastey [Collection of laws on the Kirghiz of the steppe regions] / Sost. starshiy sovetnik Turgayskogo oblastnogo pravleniya I.I. Kraft. – Orenburg: Tipolitografiya P.N. Zharinova, 1898. – 884 s.
11. Svod arkhitekturnykh i monumental'nykh pamyatnikov VKO [Code of architectural and monumental monuments of East Kazakhstan region]. – Ust'-Kamenogorsk, 2005.

12. Svyashchennik Yefrem Yeliseyev. Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoy missii za 1892–1899 gg. [Kirghiz mission for 1892–1899]. – SPb., 1900.

13. Sushko A.V. Arkhivnoye ugovnoye delo Mukhana Aytpeneva (Mukana Aytpenova) kak istochnik po istorii kazakhskoy intelligentsii v gody Russkoy revolyutsii [Archival criminal case of Mukhan Aitpenov (Mukan Aitpenov) as a source on the history of the Kazakh intelligentsia during the years of the Russian Revolution // Rossiya i Kazakhstan: istoricheskiy opyt sotrudnichestva i perspektivy integratsii: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Omsk, 2018. – S. 101–111.

14. Sushko P. Naslediye Bayazita Satpayeva [Legacy of Bayazit Satpaev] // Rudnyy Altay. 1996. 5 okt.

15. Khronologicheskiy perechen' sobytiy iz istorii Sibirskogo kazach'yego voyska. Sostavil yesaul N.G. Putintsev [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army]. – Omsk: Tipografiya okruzhnogo shtaba. 1891. – 274 p.

16. Entsiklopedicheskaya slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona [Encyclopedic Dictionary F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. T. 12. – SPb., 1894. – 484 s.

17. Gorodskoy arkhiv g. Zaysan. F. 125. Op. 1. D. 9–16, 20–23.

18. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%B0%D0%BD> (время обращения 16.05.2022)